

Убит за то, что... ПОП

ДОКУМЕНТЫ ОСОБОЙ
КОМИССИИ ПО
РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
БОЛЬШЕВИКОВ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ О ГОНЕНИЯХ
НА ДУХОВЕНСТВО

Юлия Бирюкова

В этом году исполняется 100 лет со времени начала гонений на духовенство и верующих в России. Гражданская война, полыхавшая в стране на протяжении нескольких лет, сопровождалась невиданным ранее террором среди мирного населения. Его жертвами стали сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Среди них немалую долю составляли священнослужители и верующие миряне, единственная вина которых состояла в твердом исповедании православной веры. Специально для расследования преступлений большевиков, в том числе в отношении духовенства, в конце 1918 года была создана Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Документы комиссии представляют собой ценный источник по истории антихристианских гонений в XX веке.

Цели Особой комиссии

Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (далее — Особая комиссия, комиссия) была организована приказом Главнокомандующего 31 декабря 1918 года с целью выявления «сущности большевизма» перед лицом мировой общественности, формирования фактической основы для обоснования миссии белых как защитников России и мира и укрепления их позиций как внутри страны, так и за рубежом. Деятельность Особой комиссии проходила в два этапа. Сначала ее аппарат в местах, освобожденных от большевиков, устанавливал и в определенном порядке фиксировал факты, свидетельствующие о преступном характере новой власти, развернутом большевиками красном терроре. На следующем этапе этот материал использовался как информационная база для формирования мнения мировой общественности. Инициатива создания Особой комиссии была одобрена представителями союзников — английской и французской миссий при генерале А. И. Деникине¹.

В первую очередь Особая комиссия расследовала действия карательных органов советской власти и устанавливала обстоятельства казней и расстрелов, осуществлявшихся при проведении политики красного террора². По материалам, собранным в результате, было опубликовано более 40 расследований³. Позже, по мере укрепления большевиков и институционализации их власти, комиссия расширила спектр своих задач, в число которых вошел поиск сведений о деятельности советских учреждений в различных областях: управление, суд, народное образование, экономика, свобода совести, слово, союзы и собрания, отношение к религии — с целью демонстрации антигосударственной и античеловеческой политики большевизма⁴. Выявлялись «действия большевиков, связанные с ликвидацией “органов судебной власти, регулируемых законом”, и подменой их “безответственными трибуналами”, руководимыми “революционной совестью”».

Комиссия разработала специальную программу расследования⁵, в которой особое внимание уделялось гонениям на Русскую Православную Церковь. Собранный материал представлялся в виде сводок, которые затем публиковались в

периодической печати, распространялись в качестве листовок и брошюр как самой Особой комиссией, так и через Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (далее — ВСЮР).

Материалы Особой комиссии как источник по истории Церкви

После поражения белых руководители комиссии в марте 1920 года вывезли ее материалы за границу, что сохранило их для истории и позволило историкам сразу же начать работу с ними. Публикации на основе документов комиссии появились вскоре после событий, нашедших в них свое отражение⁶. Историк и свидетель событий Гражданской войны С. П. Мельгунов отмечал, что чрезвычайные комиссии в период Гражданской войны уничтожали свое делопроизводство при эвакуации или в случае угрозы восстания. Это определило данную Мельгуновым оценку материалов Особой комиссии как источника, имеющего «первостепенное значение для характеристики большевизма в период 1918–1919 гг. и единственного для описания террора на Юге [России]»⁷. Тогда же, после выхода первого издания книги Мельгунова, отдельные отзывы отрицали ценность данного источника, характеризуя материалы Особой комиссии как «малодостоверные, легко могущие быть пристрастными»⁸. Впрочем, это мнение никак не обосновывалось. Первую научную публикацию осуществили Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский⁹. В нее вошли в основном сводки, составленные комиссией по материалам расследований, то есть итоговые материалы. Данная публикация на многие годы определила представление широкой аудитории о материалах Особой комиссии. Не преуменьшая значимости данной публикации, отметим, что это был очень узкий спектр документов комиссии, поверхностный их пласт, не отразивший структуры всего комплекса. В данную публикацию попали лишь единичные документы и факты, засвидетельствовавшие невероятную жестокость большевиков в отношении священнослужителей на Юге России.

Исследуя материалы комиссии, мы не можем не задаться вопросом: действительно ли эти документы отражают факты или являются всего лишь пропагандистским материалом периода

Гражданской войны? Для ответа на него необходимо рассматривать весь архив Особой комиссии, который включает не только сводки для информирования западных союзников, но и собственно документы, на базе которых они формировались. То, что эти источники не равноценны по степени информативности, полноты и достоверности отраженной в них информации, очевидно. Сводки, предназначенные для пропаганды, несомненно, обрастали морально-этическими и политическими оценками.

Целью комиссии было, конечно, не столько расследовать, сколько фиксировать преступные деяния большевиков и затем оповещать общественность. Но это не повод отрицать достоверность и ценность этих документов как исторического источника. Одним из оснований для подобных утверждений является то, что деятельность комиссии четко регламентировалась. 4 апреля 1919 года Главнокомандующим ВСЮР были утверждены Положение об Особой комиссии и ее штат в составе 17 человек¹⁰. В нем фиксировались правовые основы деятельности и организационные аспекты работы комиссии. Действуя на основе Устава уголовного судопроизводства 1914 года¹¹ — последнего дореволюционного Устава, — комиссия выработала четкую процедуру своей деятельности, руководствовалась внутренними установками соблюдения объективности и законности. Работа велась лучшими специалистами — профессиональными экспертами в области судебной медицины и права с участием иностранных наблюдателей. Комиссия была заинтересована в получении точных и достоверных сведений, поскольку информация другого характера утратила бы свою значимость.

Особая комиссия состояла из Общего собрания и Следственного органа, председатель назначался Главнокомандующим ВСЮР по представлению начальника Управления юстиции Особого совещания (при А.И. Деникине председателем стал мировой судья барон Г.А. Мейнгардт)¹². В Общее собрание входили общественные деятели, а возглавлял его мировой судья — видный общественный деятель, избиравшийся в течение 20 лет¹³. В Следственный орган входили специалисты с высшим юридическим образованием: сенаторы, выборные мировые судьи, представители магистрата, проку-

ратуры, адвокатуры Санкт-Петербурга, Москвы и крупных центров юга России¹⁴. Для временного участия в работе приглашались специалисты в качестве временных членов. Право принимать участие во всех заседаниях Особой комиссии предоставлялось представителям союзных миссий при Главнокомандующем ВСЮР.

Документы Особой комиссии, находящиеся главным образом в фонде Р-470 Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), отражают огромную работу, проведенную ее сотрудниками. Это акты расследований, опросные листы, справки, протоколы опросов свидетелей и другие документы. Среди них — многочисленные свидетельства о гонениях большевиков на Церковь в епархиях юга России и Украины, главным образом Донской, Кубанской и Ставропольской епархий, так как эти территории удалось исследовать в большей степени.

Особая Донская комиссия

Для расследования «гонений на Церковь» в Донской области была учреждена специальная местная, Донская комиссия. Она сотрудничала с Новочеркасской Судебной палатой, Ростовским-на-Дону, Таганрогским, Черкасским окружными судами¹⁵, получала доступ к делам и фиксировала в своих документах результаты предварительных расследований, направляла запросы прокурорам. Судебные следователи привлекались в качестве временных членов Особой комиссии¹⁶.

18 мая 1919 года газета «Жизнь» сообщила о посещении Новочеркаска членами Особой комиссии бароном П. Н. Врангелем и Б. А. Подгорным, которые взяли показания у архиепископа Митрофана (Симашкевича) и епископа Гермогена (Максимова) об издевательствах красных не только над ними лично, но и над духовенством в пределах области Войска Донского. Подобные показания дали находящиеся в Новочеркасске князь Е. Н. Трубецкой и протопресвитер Георгий Шавельский. Их подлинники (автографы) сохранились в материалах комиссии. Газета опубликовала просьбу барона Врангеля направлять в здание судебных установлений Новочеркаска на имя членов комиссии свидетельства подобных преступлений большевиков¹⁷. В публикации подчеркивалось, что особой заботой комиссии является выявление точных сведений¹⁸.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ
по расследованию злодеяний большевиков;
состоящая при
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ Вооруженными Силами на Вост. России.

КРАТКАЯ Справка
в оселении большевиков на церковь
и ее служителей в пределах Таран-
рогского уезда и Вахмужского уезда
Екатеринбургской губернии.

За протекшее время злодеяния большевиков в Та-
ранрогском уезде, делавшейся с января по марту 1918
года, были расстреляны там без всякого суда и ви-
ны три священника: отец Иосиф Дуусь из села Малом-
Курдюковское, отец Николай Борозов из села Казановки
и отец Мелодкий из села Варевки. В селе Поклово
в мае 1918 года при изступлении большевиков из города
Таранрога, красносарейцы зашли в местную церковь
заболев, поставили себе на кровать и столик устраи-
тели оргий от женщины.

Одними описанными злодеяниями, вышедшими в нача-
ле расследования на Вост. России представляется
нам себя ничто по сравнению с теми гонениями на цер-
ковь, которые были начаты большевиками в Вахмужском
уезде при повторном захвате его ими в начале 1919 г.

Тогда священники подвергались пороховому преследо-
ванию, вследствие чего большинство из них было или
убито приходами; те же, которые остались, или были уби-
ты, или отправлены на самые тяжелые и грязные работы,
или в отдаленные места. Частично отсюда и т.д.
В некоторых населенных пунктах, на наиболее вид-
ных местах были вывешены огромные плакаты с при-
зывом к расстрелу священников. Особенно вы-
дающиеся на фоне окрестностей храмы и церкви с вы-
вешенными на них плакатами.

Справка
о работе
комиссии

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛЫХ РУКОВОДИ-
ТЕЛИ КОМИССИИ В МАРТЕ 1920 ГОДА
ВЫВЕЗЛИ ЕЕ МАТЕРИАЛЫ ЗА ГРАНИЦУ,
ЧТО СОХРАНИЛО ИХ ДЛЯ ИСТОРИИ
И ПОЗВОЛИЛО ИСТОРИКАМ СРАЗУЖЕ
НАЧАТЬ РАБОТУ С НИМИ.

Протокол
допросов
свидетелей
злодеяний
большевиков

Протокол комиссии № 2
5 Мая 1944 года. Улица Крестовая в деревне
Зеленой Восточной при захвате большевиками
вооруженными силами на 1000 человек в деревне
в деревне и в деревне. Местные жители погубили
много людей и в деревне. С 21-22 Мая.
Генерал Сухов. Служба в деревне. С 21-22 Мая.
Служба в деревне. С 21-22 Мая.
Улица в деревне. № 209. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.
Улица в деревне. № 209. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.
Улица в деревне. № 209. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.
Улица в деревне. № 209. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.
Улица в деревне. № 209. Местные жители.
Крестовая в деревне. Местные жители.

Комиссия расследовала преступления на всей территории области Войска Донского: проводила медицинское освидетельствование и опознание останков казненных и погребенных, как правило, в общих могилах, осуществляла опрос свидетелей, выясняя обстоятельства гибели или исчезновения людей. Протоколы заверялись членами комиссии, проводившими расследование, и понятыми. Списки погибших и описания эксгумаций и освидетельствований публиковались в местной периодической печати.

В контакте с епархиальными советами

Список расстрелянных и дела о гибели духовенства вел также Донской (Новочеркасский) епархиальный совет. Духовным следователям

надлежало провести опросы в своем благочинии о фактах гонений на духовенство. Среди протоколов Особой комиссии сохранились документы с заголовками «Протокол осмотра дела Донской духовной консистории» или «Протокол осмотра дела Донского епархиального совета»¹⁹. К сожалению, весь архив Донской духовной консистории и епархиального совета данного периода утрачен. Поэтому о порядке деятельности Церкви по расследованию подобных дел мы можем узнать лишь из материалов Особой комиссии.

Особой комиссией в приходы Донской и Кубанской областей, Ставропольской губернии были направлены опросные листы с целью выявления пострадавших священнослужителей и членов их семей, ущерба церковного имущества, новых распоряжений большевистской власти в области свободы совести, случаев святотатства и кощунства, запрещения или препятствий в совершении богослужений и церковной деятельности²⁰. В пояснительной части опросных листов содержалось требование указывать наиболее точную и подробную информацию — имена, даты, места, свидетелей и т. д., присылать копии документов, ставить подпись под показаниями. Заполненные анкеты с сопутствующими материалами составили важный источник, засвидетельствовавший гонения на Церковь.

Причины расправ с духовенством

Собранный материал свидетельствует об особой, ничем не оправданной жестокости красных по отношению к духовенству, кощунственных действиях в отношении храмов и храмового имущества, таинств и обрядов.

Об особенностях расправ, производимых Морозовской чрезвычайной комиссией сообщает информационная сводка № 17 Отдела пропаганды Особого совещания от 12 июня 1919 года: «По показанию жителей станицы Морозовской, большевики производили казни главным образом холодным оружием: отрубали головы, руки, распарывали грудь и животы. Всего убито в станице 1000 человек». Большевики хотели представить эти расправы как оправданные волей народа: «Замечалось иногда стремление облечь убийство в форму закономерного акта народного гнева. Такая инсценировка имела место при расстреле священника Андрея Казинцева»²¹.

Комментарии аналитика Особой комиссии указывают мотивы подобной жестокой расправы со священно- и церковнослужителями на Дону. Поводы усматривались разные, но за ними скрывалась одна и та же причина: нетерпимость к служителям Церкви. В конечном счете, это была ненависть, имеющая мировоззренческую основу: «Суд революционной совести превратился в сплошной самосуд толпы или отдельных матросских и красноармейских банд по самым различным поводам и предложениям. Прежде всего, уничтожали своих боевых противников, хотя бы они складывали оружие или беспомощно лежали в больничных войсках. Затем истребляли богатых и просто обеспеченных людей как “буржуев”, священников за их несогласие с разбойным большевизмом и за духовный сан, просто интеллигентных людей за их интеллигентность и по доносам как “контрреволюционеров”»²². «В этих казнях обращает на себя внимание ненужная, часто садистская жестокость. <...> Это делалось не потому, что данные лица в чем-либо особенно провинились. <...> признаки обвинения, они сводились обычно к расплывчатому обвинению в “кадетстве” или “противобольшевизме”. Всецело же они были направлены против духовенства именно как против священнослужителей»²³.

Обстоятельства убийств священников

В протоколе № 6 от 5 мая 1919 года, составленном членом Особой комиссии Б. А. Подгорным на основе обзора материалов дела № 61 Донской духовной консистории, сообщались обстоятельства убийства войсками народных комиссаров при занятии Персианово-Грушевского хутора 12 февраля (по старому стилю) 1918 года священника Иоанна Куликовского. Дело было начато в ответ на обращение в Донскую консисторию Персианово-Грушевского хуторского исполнительного комитета. Священника вывели из дома, произвели выстрел в живот и добились штыками. Труп не позволили хоронить, и он находился на улице в течение двух дней. Дом священника был разграблен. Особой комиссией было обнаружено письмо красноармейца своим родным, которое поражает своей бесчеловечностью и жестокостью по отношению к духовенству: «...Но и мы, когда вошли в Персиановку, не щадили никого.

Били всех. Мне тоже пришлось застрелить попа одного. А теперь мы ещё ловим чертей в Новочеркасске и бьём, как собак...»²⁴.

Убийство священника Троицкой церкви поселка Калининский Макеевского благочиния Николая Борисова²⁵ произошло при следующих обстоятельствах. Священник был арестован 7 января 1918 года, направлен в штаб Красной гвардии на станцию Ханженково, застрелян конвоирами во время пути без предъявления каких-либо обвинений. Затем тело положили на линейку, дополнительно нанеся штыковые раны, и пустили лошадь на произвол судьбы²⁶.

Священник церкви Рождества Богородицы хутора Петровского Милютинского благочиния Александр Иванов 10 мая 1918 года «убит красногвардейцем, без всякой причины, выстрелом в упор из винтовки, только за то, что поп»²⁷. Священника села Железное Бахмутского уезда Ека-

Поводы для жестокой расправы со священно- и церковнослужителями усматривались разные, но за ними скрывалась одна и та же причина — нетерпимость к служителям Церкви.

теринославской губернии Михаила Попова большевики заставляли служить панихиду по самому себе, а когда тот отказался, застрелили его»²⁸.

Обстоятельства убийства красными священников в Ростове-на-Дону — Константина Верецкого и Ивана Талантова — посвящено два отдельных дела²⁹. Здесь содержатся обзоры материалов предварительных расследований судебного следователя Ростовского-на-Дону окружного суда по делам священников, показания свидетелей по делу И. Талантова — жены и двух сыновей священника 14-ти и 11-ти лет, причта храма, показания свидетелей по делу К. Верецкого — вдовы, отца и матери священника. В показаниях епископа Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца) также имеется свидетельство об убийстве священника Верецкого³⁰.

Интересны воспоминания меньшевика, руководителя Донского комитета РСДРП Александра Локермана, опубликованные в 1918 году

в Ростове-на-Дону под названием «74 дня советской власти. (Из истории диктатуры большевиков в Ростове-на-Дону)», описывающие бесчеловечную политику большевиков в Ростове-на-Дону после Октябрьской революции, ничем не оправданные убийства, в том числе священников Верецкого и Талантова³¹. Как только отряды красноармейцев вступили в Ростов, сразу же десяток красногвардейцев отправился в дом отца Константина. Ворвавшись прямо в столовую, где отец Константин обедал с семьей, красноармейцы приказали идти вместе с ними³². Отца Константина повели в сторону степи³³. Дали залп в спину, с убитого сняли сапоги, сделали еще три контрольных выстрела и оставили лежать на улице. Расстреляли его на глазах у двух самых маленьких племянниц.

В Ставропольской епархии картина была аналогичной. 174 рапорта причтов церквей сообщают о различных случаях издевательств и убийств, глумления над храмами и церковными обрядами³⁴. 18 февраля 1918 года во время молебна о прекращении вражды большевики выгнали из храма на площадь священника станицы Кореновской Петра Назаренко. Узнав о готовящихся расстрелах местных казаков, он с крестом в руках на коленях умолял прекратить убийства. Ему закричали, чтобы он бросил крест, но он ответил, что

умрет с крестом у груди, тогда один из красноармейцев выхватил у него крест из рук, и священник был расстрелян в упор. 4 мая 1918 года, вечером Великой субботы, священник станицы Незамаевской Иоанн Пригоровский был выведен из храма большевиками и с руганью и издевательствами избит, получил сильнейшие раны на голове, было изуродовано лицо. Перед смертью священнику выкололи глаза, отрезали уши и нос³⁵.

В августе красноармейцы Тимашевского полка ночью устроили театрализованные кошунственные похороны. Нарядившись в священнические и диаконские облачения, они покрыли одного солдата парчовым покрывалом и «при строгом церковном пении со свечами и кадилом» несли по главной улице через всю станицу. В станице Новоекатеринославской большевики использовали святой антиминос вместо попоны для одной из лошадей, а в станице Новокорсунской на глазах верующих завели лошадей в алтарь «и надевали на них священническую ризу»³⁶.

Таких свидетельств множество. Сегодня благодаря деятельности Особой комиссии, с повышенным вниманием расследовавшей гонения на Церковь на Юге России, они находятся в распоряжении исследователей и способны вписать новые страницы в трагическую историю Русской Православной Церкви в период Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Расследование большевистских зверств // Жизнь (Ростов-на-Дону). 1919. № 11. 18 мая.

² Путеводитель. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / под ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 141.

³ Памятная записка о деятельности Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России // ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

⁴ Там же; Путеводитель... С. 141.

⁵ Программа деятельности Особой комиссии // ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–3 об.

⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1922. Берлин, 1924 (современное изд.: М., 2006).

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же.

⁹ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 3–34.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Путеводитель... С. 140.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹² Там же; Жизнь (Ростов-на-Дону). 1919. № 11. 18 мая; Путеводитель... С. 141.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 76. Л. 20; Д. 6 а. Л. 8–9; Д. 45. Л. 1–2, 19 об.; Д. 6. Л. 59–60 об. и др.

¹⁶ Там же. Д. 67. Л. 18–19.

¹⁷ Жизнь. 1919. № 11. 18 мая.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 22.

²⁰ Там же. Д. 6 а. Л. 295.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 9. Л. 5 об.

²² Там же. Д. 47. Л. 4.

²³ Там же. Д. 6. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 60.

²⁵ Там же. Л. 27–31 об.

²⁶ Там же. Д. 5. Л. 1–1 об.

²⁷ Там же. Д. 6 а. Л. 151; Д. 2. Л. 44; Д. 6. Л. 20.

²⁸ Там же. Д. 5. Л. 3.

²⁹ Там же. Д. 45, 75.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 5.

³¹ Локерман А. 74 дня советской власти. Из истории диктатуры большевиков в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону: Донской комитет РСДРП, 1918. С. 13.

³² Жукович-Стоша И. Из ужасов прошлого (письмо в редакцию) // Приазовский Край. 1918. (16) мая.

³³ Локерман А. 74 дня советской власти. (Из истории диктатуры большевиков в Ростове). Ростов-на-Дону: Донской комитет РСДРП, 1918 г. Л. 9.

³⁴ Кияшко Н. В. Система церковного управления и положение духовенства на Юге России в 1918–1919 гг. // Материалы VIII Международной научно-богословской конференции студентов СПбДА: Сборник докладов / Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. С. 230.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 563. Л. 446–446 об.; Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 25. Л. 50 об.; Д. 41. Л. 238. Сведения о данных преступлениях предоставлены автору статьи исследователем Н. В. Кияшко.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 41. Л. 150, 212. Сведения о данных преступлениях предоставлены автору статьи исследователем Н. В. Кияшко.